

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ПЕРСПЕКТИВНАЯ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

*Смолик А.И., заведующий
кафедрой культурологии,
доктор культурологии,
профессор*

Модернизация всех сфер жизнедеятельности белорусского общества требует взвешенной и методологически выверенной оценки настоящих и отдаленных социальных эффектов различных решений и проектов, направленных на совершенствование социально-политической, экономической и духовной сфер жизнедеятельности. В связи с этим появилась необходимость в компетентном суждении профессионалов, способных вместо спонтанной эмоциональной реакции, свойственной обыденному, житейскому восприятию проблемы, осуществить на основе интегративного знания объективную оценку текущих и долгосрочных проектов развития общества. Увеличение роли экспертного гуманитарного знания в процессах модернизации общества связывается с нарастающей дифференциацией сфер деятельности, а также с увеличением востребованности специального знания в социальной практике. Иными словами назрела потребность в специальном виде деятельности – гуманитарной экспертизе.

Обращение к экспертам из этой, а не другой области знания напрямую связано с публичным авторитетом гуманитарных дисциплин, в том числе и культурологии. Проблема гуманитарной экспертизы не нова. Она актуализировалась в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. в связи с анализом глобальных катастроф. Техногенная катастрофа, вызванная аварией на Чернобыльской АЭС поставила под угрозу жизнь миллионов людей разных стран. От государств Беларуси, России, Украины требовалось принятие ряда кардинальных решений по созданию безопасных условий жизнедеятельности в новом социокультурном пространстве и на территориях, загрязненных радионуклидами. В это же время произошла политико-социальная катастрофа, порожденная развалом СССР, которая негативно воздействовала на ситуацию во всех бывших союзных республиках. Люди и социальные институты, ответственные за их жизнеобеспечение, столкнулись с критической ситуацией, неразрешимой прежними стандартными средствами, с одной стороны, а с другой – когда риск принимаемых решений был особенно велик (как для политической, социально-экономической системы, так и для человеческой жизни). В этих критических условиях возникла потребность в творческом конструировании сценариев развития

множественно детерминированных процессов и событий, своего рода деятельности по производству предсказаний, которая включает в себя не только точную оценку воздействия тех или иных факторов и их возможных взаимодействий между собой, но и понимание того, какие это вообще факторы.

Практика принятия ошибочных решений, на первоначальных этапах ликвидации последствий техногенной, гуманитарной и других катастроф последней четверти XX в., показала, что существующие прежние виды экспертиз, опирающиеся на монодисциплинарный подход, были не в состоянии представить рекомендации для создания альтернативных стратегий и корректирующих возможностей. Экспертизы страдали узостью взгляда и окончательного результата процесса или явления. Традиционно деятельность эксперта заканчивалась в момент принятия экспертного заключения, тогда как многие последствия и тенденции развития неблагоприятных явлений могут обнаруживаться позже, носить нелинейный характер, т. е. трудно прогнозируемый характер. Отличительной особенностью современной экспертизы должна стать долгосрочность и даже ее незавершенность – необходимость постоянного отслеживания новых неспрогнозированных явлений и эффектов, порождаемых новой технологией, проектом, социальной практикой.

В посткатастрофный период экспертиза стала уже рассматриваться как новая интеллектуальная технология принятия решений в ситуации масштабных социокультурных динамик. Стало очевидным, что традиционная практика экспертизы не в состоянии произвести оценку без междисциплинарного подхода и интегративного научного знания. Проекты XXI века все чаще содержат знаки, контексты, смыслы, относящиеся к предметной деятельности гуманитарных наук. Поэтому методология гуманитарной экспертизы должна учитывать аксиологическое отношение к объекту экспертизы. Вместо научной объективности традиционных видов экспертизы, современным экспертам следует сопоставлять не только различные сферы знаний, но и различные ценностные позиции – иметь дело с интересами и ценностями, с человеческой субъективностью, человеческим фактором. По мнению И. И. Ашмарина, «гуманитарная экспертиза должна исходить из двух взаимозависимых принципов: «презумпции виновности» – любое социальное или научно-техническое новшество можно считать источником негативных последствий, рисков, угроз для человеческого потенциала, пока в отношении него не показано обратное; «презумпции бдительности»: нередко угрозы, риски и негативные последствия оказывались непредвиденными не потому, что их принципиально невозможно было спрогнозировать, а просто из-за того, что никто не предпринимал необходимых для этого специальных усилий» [9, с. 81-82].

Человек с его потребностями, интересами, желаниями в экономической, политической экспертизах в традиционных экспертизах присутствовал лишь косвенно и зачастую весьма абстрактно. В то же время в условиях, когда современная цивилизация представляет собой глобальный кризис пространства человеческого духовного опыта, до предела актуализируется проблема возможности верифицируемой гуманитарной экспертизы, поскольку он сводится к выбору достойных критериев человеческой личности в условиях кризиса культуры. Анализ состояния всех видов экспертизы показывает, что эвристические возможности гуманитарной экспертизы используются крайне недостаточно. В условиях же интенсивной модернизации современного общества, острых междисциплинарных, межкультурных и социальных столкновений решающим оказывается именно учет духовного опыта и мотивации, развитости «человеческого капитала». В данной ситуации назрела острая необходимость введение в социальную практику института гуманитарной экспертизы, позволяющей оценивать возможные последствия (как позитивные, так и негативные) принимаемых решений для развития духовного мира личности.

Гуманитарная экспертиза представляет собой социальную технологию, своеобразное социально значимое исследование. Одновременно хотя она и представляет собой разновидность научного знания, экспертиза функционирует особым образом. Если теоретическая наука в идеале нацелена на выработку новых знаний, на обновление методологического и аналитического инструментария, то экспертное знание оперирует проверенными методиками и обращается к уже завоевавшим авторитет подходам и системам аргументации. На наш взгляд, она имеет ряд специфических особенностей: а) исследование должно осуществляться по заказу социальных институтов, принимающих решение на основе экспертного заключения; б) необходимо, чтобы исследование проводилось независимыми компетентными специалистами, опирающимися на специальные методики; в) в результате экспертизы должно появиться ответственное заключение, имеющее основополагающее значение для принятия решения соответствующими инстанциями; г) необходимо, чтобы экспертное заключение носило доказательный характер, используемая в нем аргументация должна представляться в рационально выраженной форме, быть доступной и понятной общественности.

При оценке эффективности какого-либо проекта, на взгляд российского культуролога Г. Л. Тульчинского, необходимо исходить, прежде всего, из целесообразности, т. е. отношение целей к реальным потребностям, проблемам. Эффективность решения (проекта) тем выше, чем в большей степени результаты соответствуют целям и оправданы широким социально-культурным контекстом

общественной жизни.[8, с. 59]. В гуманитарной экспертизе исследователи выделяют несколько уровней: социологический, антропологический, персонологический, метафизический и *культурологический*.

Культурологический уровень предполагает выработку рекомендаций для создания проектов и принятия решений, направленных на поддержание условий, обеспечивающих развитие национальных и этнических культур в глобализационном мире. Каждый народ должен иметь право на реализацию базовых ценностей культуры, с которой он себя идентифицирует, на доступ к культурно-историческому наследию. Культурная идентичность консолидирует общество по отношению к реализации природных, экономических, политических и иных ресурсов.

Выход культурологического знания в сферу гуманитарной экспертной оценки, на наш взгляд, является закономерным этапом развития гуманитарной мысли, институционализации молодой культурологической отрасли знаний, формой профессиональной деятельности культуролога и способом практической реализации культурологического знания. Обращение к экспертам из этой, а не другой области знания напрямую связано с публичным авторитетом данной научной дисциплины.

На сегодняшний день было бы преувеличением говорить об уже сложившейся в Беларуси практике культурологической экспертизы и об устойчивой привычке обращения к культурологам за экспертным заключением. Тем не менее, белорусские культурологи уже имеют определенный опыт в этой области. В рамках культурологической экспертизы ими реализованы ряд исследований не просто отдельного фрагмента реальной социально-культурной действительности, но анализу подвергалось масштабное культурное пространство в целом. В конце 1990 – начале XXI в. отечественные культурологи провели масштабное исследование социодинамики культуры постчернобыльского региона, включающего 27 городов и 3220 населенных пунктов, в которых проживало 840 951 человек [6]. Чернобыльская социальная эколого-техногенная катастрофа вызвала трансформацию социально-культурной среды, оказала деструктивное влияние на динамику социальной структуры, производственное, психологическое взаимодействие людей, проживающих на загрязненных радионуклидами территориях, их нравственно-волевые качества и ценностные ориентации. У большого количества людей сформировался устойчивый по своим психологическим характеристикам социорадиоэкологический стресс. Психогенные расстройства, появившиеся в результате катастрофы одновременно у большого количества людей, потребовали от социальных институтов ряда эффективных мер по выработке новых технологий компенсаторной деятельности. Министерство Республики Беларусь

обратилось к культурологам осуществить гуманитарную экспертизу в постчернобыльском регионе с целью выработки рекомендаций по использованию искусства и художественного творчества в процессе ресоциализации, восстановления личностного и социального статуса людей, потерпевших от последствий катастрофы [6].

На протяжении нескольких лет культурологи изучали состояние социально-культурной сферы Чернобыльского региона, кадровый состав социально-культурных институтов, подготовленность их субъектов к деятельности по реадaptации личности к посткатастрофным условиям жизнедеятельности.

Опираясь на методологию экзистенциально-гуманистической терапии исследовалась эффективность воздействия искусства и художественного творчества на адаптационные возможности личности. В процессе экспертизы было установлено, что в исследуемом регионе сохранилось значительное количество социально-культурных учреждений, потенциал которых позволяет осуществлять рекреационно-оздоровительную и компенсаторную деятельность. В то же время выявилось, что их сотрудники не владеют технологиями психотерапевтической деятельности: арттерапией, библиотерапией, музыкотерапией и т. п.

Экспертами Министерству культуры, местным государственным властным структурам были представлены обоснованные рекомендации для создания проектов и принятия решений по включению социально-культурных институтов в деятельность по минимизации последствий техногенной катастрофы средствами искусства и художественного творчества. Многие рекомендации культурологической экспертизы были реализованы. Так, в Мозыре был открыт филиал Белорусского университета культуры и искусства, где велась подготовка кадров, владеющих современными психотерапевтическими методологиями, использующими культуру как инструмент реадaptации. В Национальную программу преодоления последствий чернобыльской катастрофы был включен социокультурный компонент. При Гомельском и Могилевском облисполкомах были созданы комиссии по обследованию состояния памятников культуры и сохранению историко-культурного наследия. В масштабах страны была создана Государственная историко-культурная экспедиция по спасению памятников истории и культуры постчернобыльского региона и др. []. В 2014-2016 гг. культурологами изучалась возможность их музеефикации на территории отселения жителей.

В процессе экспертизы были определены артефакты, подлежащие музеефикации: одежда, предметы быта, мебель, объекты промышленной, гражданской и сакральной архитектуры, археологические памятники. Эксперты выработали ряд конкретных предложений по музеефикации культурного наследия чернобыльской

зоны. Рекомендовалось создать в структуре Полесского государственного радиационного экологического заповедника отдел по музейфикации артефактов отселенных деревень. Обосновывалась возможность проведения экскурсий, ориентированных на презентацию культурного наследия постчернобыльского региона, трансляции информационных полей артефактов материальной и нематериальной культуры зоны средствами мультимедийных технологий. Работникам музеев предлагались наиболее эффективные направления организации экспозиционной презентации артефактов зоны: использование сюжетно-образного метода, обращение к знаково-символической основе предмета и ассоциативному культурному ландшафту [2].

Белорусские культурологи исследовали также потенциал социокультурных механизмов регуляции демографического поведения субъектов постчернобыльского социума. Перед экспертами были поставлены задачи: исследовать сущность и характер социокультурных и демографических процессов, вызванных последствиями чернобыльской техногенной катастрофы; определить содержание, формы и методы деятельности социокультурных институтов по поддержанию активного демографического поведения репродуктивного населения посткатастрофного социума. В заключительной экспертизе предлагался комплекс мероприятий, направленных на улучшение нравственно-эмоционального состояния, развитие сущностных сил личности, что позитивно сказывается на поддержании активного демографического поведения населения чернобыльского социума [4].

За последние десятилетия произошло изменение социальных функций культурной политики в нашей стране. Культура стала в существенной мере деидеологизированной, ее развитие связана с реальным социальным заказом. В этой связи государству и общественности крайне важно иметь объективное представление об эффективности культурной политики, наиболее вероятных перспективах ее динамики, о прогнозировании вероятных изменений социального заказа на те, или иные услуги в сфере культуры со стороны белорусского общества в обозримом будущем. В свете всего этого необходимо было осуществить системное осмысление обозначенных проблем культурной деятельности, выстраивание интеллектуального каркаса процедур научной рефлексии социальных оснований культурной политики и ее результатов, определение научно аргументированных перспектив развития культуры в Республике Беларусь.

С целью проведения специализированного исследования культурной политики Министерством культуры в 2016 г. была создана из высококвалифицированных культурологов страны (в основном докторов наук) экспертная группа, которая в течение двух

лет анализировала состояние дел в сфере культуры по разным ее структурным и функциональным составляющим: состояние экономики культуры, финансирования и материальной базы; нормативно-правовое обеспечение сферы культуры; охрана и использование культурного наследия; библиотечное и музейное дело; искусство и художественное творчество; социально-культурная деятельность; состояние наук о культуре, художественно-эстетического образования и воспитания; положение с кадровым потенциалом в культуре и др. В ходе работы эксперты собрали большой массив эмпирического материала и проанализировали его по вышеуказанным параметрам. Системный анализ данных позволил выявить узловые проблемы сферы культуры, тенденции в современной культуре, выделить ряд из них представляющихся наиболее перспективными с точки зрения вероятности их развития. По результатам исследования министерству представлена программное экспертное заключение о состоянии и перспективах развития культуры в Беларуси. Помимо него в Белорусском университете культуры и искусств была проведена научно-практическая конференция, на которой обсуждались аспекты итогов деятельности экспертной группы, в СМИ опубликованы статьи по частным вопросам эффективности культурной политики.

Культурологами страны проведены экспертизы культурного потенциала Минска и Полоцка. По итогам исследования разработаны соответствующие практические рекомендации местным органам власти, общественность получила возможность ознакомиться с предложениями экспертов через публикации в СМИ [1, 7].

Объектом культурологической экспертизы являются также объекты культурного наследия и историко-культурных ценностей. В течении пятнадцати лет культурологи Беларуси отслеживают состояние и использование дворцово-парковых ансамблей и усадеб магнатских родов Огинских, Тышкевичей не только на территории Беларуси, но и Литвы. По итогам изучения архитектурных ансамблей проводятся практические конференции совместно с представителями городских и районных органов власти, на которых вырабатываются мероприятия по их сохранению и использованию в целях эстетического и патриотического воспитания белорусов [5].

Имеется у отечественных культурологов определенный опыт экспертизы использования нематериального культурного наследия в процессе формирования самосознания и культурной идентичности личности. Актуализация его культурологической экспертизы обуславливалась постепенным исчезновением носителей нематериального культурного наследия, а вместе с ними потерей устной народной традиции, ремесел, народной медицины, обрядов, праздников и т. д. Заключительная экспертиза представляла собой научно обоснованные предложения по ревитализации культурного

наследия. Кроме этого для учреждений сфер культуры были разработаны конкретные формы репрезентации артефактов нематериального наследия: документирование, атрибуция, классификация, фиксация. В качестве видов его репрезентации рекомендовались: «Живое бытование», «Реконструкция», «Моделирование». В заключительной экспертизе обращалось внимание сотрудников сферы культуры на необходимость в целях репрезентации культурного наследия использовать массмедиа, его музеефикацию. Перед научно-исследовательскими учреждениями ставилась задача разработки методологии и методики сохранения и репрезентации нематериального культурного наследия [3]. Ряд предложений экспертов уже реализованы. Так, в Кодекс о культуре включены статьи, касающиеся сохранения народной культуры, соответствующие нормам международного права.

Суммируя выше изложенное можно утверждать, что в Беларуси имеется определенный опыт участия культурологов в экспертной деятельности, расширяется поле социальных практик, в которых востребовано исследование, опирающееся на культурологическое знание. В культурологической экспертизе принимали участие специалисты, обладающие соответствующей академической квалификацией и личной интуицией. В то же необходимо констатировать, что в республике отсутствует система целенаправленной подготовки специалистов для этого вида деятельности. Для проведения качественной экспертизы культурных проектов недостаточно владеть лишь теоретическими знаниями в области фундаментальной культурологии и интуицией. Для создания экспертного заключения в области культуры помимо концептуального аппарата культурологии нужно располагать экспертным инструментарием, методиками, алгоритмами, корпусом прецедентов, с которыми сверяется эксперт, приемами традиционных и новаторских видов экспертизы. Вместе с тем необходимо признать, что для экспертизы с привлечением культурологического знания у нас пока нет специально подготовленных специалистов, не вполне сформирован и корпус прецедентов. Из этого вытекает насущная потребность специальной подготовки вузами культурологического профиля кадров по специальности культурологическая экспертиза. Тем более, что в Петербургском университете им. А.И. Герцена уже ведется такая подготовка специалистов, которые как показывает практика, весьма востребованы.

1. Джумантаева, Т. А. Музеефікацыя культурнай прасторы Полацка : традыцыі і навацыі : аўтарэф. дыс. ... канд. культуралогіі : 24.00.03 , Т. А. Джумантаева ; Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск, 2001. 2. 24 с.

2. Кавалёў, Я. Музеі Беларусі ў справе выратавання культурнай спадчыны чарнобыльскай зоны / Я. Кавалёў // Беларус. гіст. часопіс. – 2015. – № 7. – С. 19-25.

3. Канановіч, С. К. Праблемы атрыбуцыі аб'ектаў духоўнай спадчыны ў свеце сучаснай культуралогіі / С. К. Канановіч // Роднае слова. – 2010. – № 1. – С. 100-105.

4. Кухто, Л. К. Социокультурная характеристика субъектов постчернобыльского социума / Л. К. Кухто // Правовая культура и социально-экономическое развитие общества Беларуси в историческом процессе: Материалы респ. науч.- практ. конф., Минск, 21-22 ноября 2002 г. / Бел. ин-т правоведения. – Минск : НО ООО «БИП-С», 2002. – С. 16-18.

5 Репрезентацыя і музейфікацыя творчай спадчыны Тышкевічаў у Беларусі і Літве: Пятая міжнар. Тышкевіцкія чытанні, Мінск, Крэцінг, 14-15 мая 2014 г. : манагр. зб. / Мін-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў; Kretingos muzijus grafu Tiskevicu dvare. – Мінск : БДУКМ, 2014. – 183 с. : іл., [3] л. іл.

6.Сацыяльна-псіхалагічная рэабілітацыя насельніцтва мастацтвам : Практ. дапам. для работнікаў культуры / БУК; [Аўт.: С. В. Аўдзей, Л. І. Казлоўская, А. І. Смолік і інш.; пад рэд. А. І. Смоліка]. – Мінск : Бел. ін-т культуры, 1998. – 82 с.

7. Соколова, О. М. Теоретико-методологические подходы к изучению города как объекту культурологического исследования / О. М. Соколова // Искусство и культура. – 2017. – № 1 (25). – С. 60-66.

8. Тульчинский, Г. Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология / Г. Л. Тульчинский // Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография. – СПб. : Изд-во РПГУ им. А. И. Герцена, 2011. – С. 57-74.

9. Философия и культурология в современной экспертной деятельности : Коллективная монография. – СПб. : Изд-во РПГУ им. А.И. Герцена, 2011. – 508 с.

МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: ТЕХНОЛОГИИ РЕАЛИЗАЦИИ

*Бондарь П.И., профессор
кафедры философии и
методологии гуманитарных
наук, доктор исторических наук,
профессор*

Творческий поиск нашим педагогическим коллективом инновационной модели подготовки кадров заметно активизировался в последнее пятилетие. Об этом свидетельствуют изданные монографии, сборники докладов на конференциях и регулярно публикуемые статьи теоретического и научно-методического характера. Отчетливо вырисовываются *приоритетные направления* поиска и освоения подходов, соответствующих интересам специалиста сферы культуры, политике и идеологии государства, реформируемого общества, рыночным и глобальным условиям: